

ТЕХНИКА БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ

ИСТПАРТ, 1924

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Техника большевистского подполья. Истпарт, 1924.

«Алисторус»
1924

УДК 94(470)"1903/1905"
ББК 63.3(2)531-5

Техника большевистского подполья. Истпарт, 1924. /
«Алисторус», 1924 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-278-1

«Техника большевистского подполья» - уникальное собрание мемуаров и очерков непосредственных участников революционной транспортной п технической деятельности РСДРП(б) периода 1903-1905 годов. Эта тема редко затрагивается в традиционных исторических трудах, хотя многие события тех лет напоминают захватывающие сюжеты шпионских романов. После Второго съезда партии осенью 1903 года, разделившего социал-демократическое движение на две фракции -большевиков и меньшевиков, перед первыми встала острая задача обеспечить выпуск партийной прессы как ключевого инструмента агитации и сплоченности. Центральное внимание уделялось созданию эффективной структуры, включавшей организацию нелегальных типографий, распространение материалов, приобретение оборудования, поддельных документов и финансовых ресурсов. По мере приближения первой русской революции сфера подпольной деятельности расширялась, приобретая новые формы и масштабы. Изданная в СССР в 1924 году книга практически сразу исчезла из публичного доступа, переведенная в разряд секретных архивных фондов, и впоследствии ни разу не переиздавалась. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)"1903/1905"
ББК 63.3(2)531-5

ISBN 978-5-00269-278-1

, 1924
© Алисторус, 1924

Содержание

От Истпарта 7
Большевистская партийная техника 8
Транспортно-технические бюро ЦК (большевиков) 13
1. Северное бюро (Смоленск) 13
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Техника большевистского подполья Истпарт, 1924

© ООО «Издательство Родина», 2026

От Истпарта

Для будущего историка нашей партии тот род партийной деятельности, который на обиходном языке русских революционеров характеризовался словом «техника», будет таким же предметом внимательного изучения, как и история партийной тактики, партийной организации или борьбы идей внутри партии. Хорошо поставленная «техника» давала огромные преимущества той или иной революционной организации и в сильной мере увеличивала ее удельный вес и политическое значение. Таким образом, напр., Бунд когда-то импонировал не чистотой и социал-демократической выдержанностью своей программы, не безукоризненностью своей тактики, которая на самом деле очень хромала по части образования единого фронта между еврейскими и русскими пролетариями в борьбе с общим врагом, и не блеском своих литературных выступлений, а главным образом недурно поставленной «техникой» – наряду со сравнительно высоким уровнем организационной практики. Конкуренция в деле постановки техники являлась одним из существеннейших моментов междупартийных отношений. Тот, кто выходил победителем в этом деле, имел преимущественные шансы стать, при прочих равных обстоятельствах, властителем дум революционной улицы. Вот почему ни одна из подпольных организаций, а в том числе и наша большевистская, не жалела никаких усилий и жертв, чтобы поставить «свою технику» на должную высоту. Да и правительство, в свою очередь, не недооценивало значения печатного вольного слова и особенно жестоко преследовало пойманных с «поличным» в деле подпольного тиснения или перевозки нелегальной литературы.

В настоящем сборнике фигурирует далеко не весь материал, относящийся к технике нашего революционного подполья. Быть может, по мере накопления статей и документальных данных по этому же вопросу, Истпарт выпустит не один еще сборник в таком же роде, а пока что читателю предлагается целый ряд живых свидетельских показаний о той героической работе, которую когда-то проделывали наши подпольщики в тайных типографиях или по части постановки транспортного дела. Некоторые из помещаемых здесь статей были уже напечатаны, но Истпарт нашел нужным не ограничиваться простой библиографической ссылкой на них, а перепечатать в настоящем сборнике, тем более что многие из них подверглись со стороны их авторов существенной переработке. Это казалось тем более необходимым, что все помещаемые здесь статьи дополняют друг друга и составляют как бы один букет, объединенный единством темы.

Редакция сочла не лишним дать место в сборнике и некоторым беглым очеркам биографическим или автобиографическим, в расчете на то, что читатель обнаружит большой интерес не только к фактам и событиям, характеризующим работу типографского подполья или партийного транспорта, но и к тем персонажам, которые близко стояли к этому делу, были душою его и любезно поделились с ним, читателем сборника, своими красочными воспоминаниями о знакомых им страницах из нашей революционной романтики. Настоящий сборник, по издательским соображениям, выходит в двух выпусках: первый выпуск посвящен вопросу об общей постановке большевистской техники в России и за границей, в частности, работы по транспорту; во втором же выпуске центр тяжести лежит в отображении моментов подпольно-типографского дела.

Большевистская партийная техника
Красин, Л.Б

Второй съезд РСДРП фактически был первым съездом, на котором завершился процесс образования партии и началась история большевизма. Этот съезд установил определенные организационные принципы. В прениях, возникших вокруг вопроса о § 1 устава партии, вполне определенно выяснились различия во взглядах меньшевиков, отстаивавших по существу мелкобуржуазную точку зрения либерального партийного устава, и большевиков, которые тезисами Ленина заложили действительный фундамент дисциплинированной революционно-пролетарской партии, как боевому орудию рабочего класса в борьбе за его освобождение. Это значение второго съезда партии уже давно в полной мере оценено в партийной литературе, и мы менее всего склонны его оспаривать.

Наша задача здесь состоит в том, чтобы указать на другую область партийной работы, ставшую, благодаря этому съезду, не менее важным фактором в деле строительства и дальнейшего развития партии. Мы имеем в виду значение второго съезда в деле создания на практике централизованного технического аппарата, установления службы связи, организации партийных финансов, организации техники типографской и техники транспорта (переправка людей из-за границы и обратно, перевозка и распределение литературы). С появлением центра, созданного заграничным съездом, и с кооптацией этим центром ряда партийных работников, действовавших в самой России, создалась впервые постоянная связь между Женевой и теми главнейшими промышленными центрами России, в которых велась практически социал-демократическая работа. При существовании партии в подполье нельзя было пользоваться легальными методами сношений. Приходилось устанавливать сложную систему адресов, явок, паролей, организовывать в российских центрах явочные пункты, опираясь на сочувствующие буржуазные слои, использовать докторов, зубных врачей, технические и коммерческие предприятия и пр. для приема людей, посылки и получения заграничных писем и т. д. Партия после II съезда впервые поставила себе задачу – систематизировать все методы связи, и в короткое время возник специальный аппарат по осуществлению этой связи, с применением иногда довольно совершенных по тем временам технических приемов.

Я припоминаю, с каким чувством в темной фотографической комнате «Электрической Силы», в Баку, я проявлял в 1903 г. первый Манифест избранного на втором съезде Центрального Комитета, присланный мне в Баку на фотографической светочувствительной пленке. Этот способ был выбран, чтобы, при случайном провале письма, содержимое его никоим образом не могло сделаться известным жандармам. Проявленная пленка послужила для нашей типографии тем первым оригиналом, с которого был сделан набор, и через несколько дней десятки тысяч экземпляров этого Манифеста уже перевозились в разные части страны нашим транспортным органом.

Кажется, Наполеону принадлежит изречение: «Деньги – нерв войны». Но и революционную работу нельзя было вести без денег, и поэтому организация финансов партии встала перед нами одной из настоятельнейших задач немедленно после второго съезда. Мне, в качестве члена ЦК, пришлось довольно близко стоять к этому делу, и каких только способов мы не применяли, чтобы сколотить те, в буквальном смысле, гроши, на которые строилась партийная организация и техника в первые годы их существования. Конечно, все участники партийных кружков и организаций облагались определенным сбором, но, к сожалению, эти сборы почти никогда не доходили до центральной коллегии и расходовались либо на местные нужды организаций, либо направлялись непосредственно за границу в «Искру», как поддержка газеты, или на брошюрную литературу. Приходилось изыскивать другие средства. Одним из

главных источников было обложение всех других оппозиционных элементов русского общества, и в этом деле мы достигли значительной виртуозности, соперничая с меньшевиками и с партией эсэров. В те времена, при минимальном дифференцировании классов и при всеобщей ненависти к царизму, удавалось собирать деньги на социал-демократические цели даже в кругах сторонников «Освобождения» Струве. Считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивавших ежемесячные сборы от 5 до 25 р., бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков, и чиновники государственных учреждений. С течением времени удалось привлечь к делу финансовой поддержки партии некоторых меценатов из слоев и сфер, казалось бы, совершенно не сочувствовавших рабочему движению. Достаточно сказать, что С.Т. Морозов – крупный московский фабрикант – регулярно вносил в распоряжение нашего Центрального Комитета по тогдашним временам довольно крупные суммы, и последний взнос был мною лично получен от С.Т. за два дня до его трагической смерти[1].

С.Т. Морозов оставил после своей смерти страховой полис, большая часть суммы которого душеприказчиками С.Т. по его указаниям, сделанным задолго до смерти, была передана также в распоряжение нашего ЦК. Значительные суммы были получены нашей партией через А.М. Горького, который давал и свои деньги и привлекал разных состоятельных людей к делу помощи партии. Между прочим, через посредство А.М. Горького была установлена впервые связь между нашей бакинской техникой, нуждавшейся в средствах, и А.Д. Цюрупой, управлявшим тогда в Уфимской губернии имениями Кугушева и поддерживавшим нас с этого момента систематической присылкой денег. Довольно много денег собиралось также всякого рода предприятиями, вплоть до спектаклей, вечеров и концертов. Наша кавказская техническая организация довольно успешно использовала приезды на Кавказ В.Ф. Комиссаржевской, дававшей часть сборов на нужды партии. Один из вечеров с участием В.Ф. Комиссаржевской, прошедший с громадным успехом, был устроен в Баку по случайности как раз в том самом доме, в котором жил начальник местного губернского жандармского управления. В последующий период существования партии удавалось организовывать ряд коммерческих предприятий, дававших значительные поступления. Следует упомянуть о довольно крупном наследстве, полученном нашей партией от замученного царским правительством в московских тюрьмах студента Шмидта, завещавшего партии свою долю участия в товариществе Викулы Морозова. Получение этих денег сопровождалось спором с некоторыми сонаследниками, и в качестве курьеза можно отметить, что большинство третейского суда, присудившего в нашу пользу эти деньги, состояло из эсэров Минора, Бунакова и др. Бывали и весьма трогательные случаи. Так, однажды к нам в Питер явилась молодая девица и заявила о сочувствии партии и желании передать в собственность партии доставшееся ей по наследству небольшое имение где-то на юге России. Ввиду несовершеннолетия жертвовательницы пришлось прибегнуть к несколько сложной комбинации, а именно – предварительной выдаче ее замуж и продаже имущества уже с разрешения мужа. Для разочарования тех из наших врагов, которые при чтении этих строк готовы будут поставить в упрек нашей партии ограбление несовершеннолетних девиц, могу добавить, что жертвовательница эта – Федосья Петровна Кассесинова – и посейчас состоит в рядах нашей партии, занимая скромную должность шифровальщицы в одном из наших торговых представительств. Муж ее, к сожалению, погиб, сражаясь за Республику на сибирском фронте.

[1] Он застрелился в Каннах. Я заехал к С.Т. в Виши, возвращаясь с Лондонского Третьего съезда в 1905 году, застал его в очень подавленном состоянии в момент отъезда на Ривьеру, а через два дня, возвращаясь нелегально из Берна в Россию, в поезде прочел известие о его самоубийстве.

Деньги нам нужны были, главным образом, для поддержания типографской техники и транспорта. Жили партийные работники обыкновенно на свои собственные средства, перебиваясь случайными занятиями, уроками или поддержкой родственников и знакомых. Лишь значительно позднее, уже после 1905 года, было постановлено некоторую небольшую часть партийных работников систематически поддерживать из партийной кассы. Но даже и в это позднейшее время речь шла о буквально грошовых выдачах в 25–30 рублей в месяц. Приходилось давать деньги лишь на более или менее серьезные поездки, в особенности связанные с нелегальным переходом границы, уплатой контрабандистам и т. д.

Перевозка литературы и ее хранение стоили изрядных денег, приходилось не только оплачивать фрахт, но и снимать склады, помещения, заводить подставные предприятия.

Но наибольшие расходы шли на типографский технический аппарат, на закупку и оборудование типографий, приобретение бумаги, шрифта и содержание наборщиков и печатников.

Наиболее сильной типографской техникой обладали наши бакинские типографии. Бакинская типография была задумана в 1901 году безвременно скончавшимся грузинским нашим товарищем Ладо Кецховели. Некоторые средства мы уже тогда могли предоставить в его распоряжение, но не было никакой возможности купить типографскую машину и систематически покупать бумагу, краску, шрифт и т. д., не имея губернаторского свидетельства на право открытия типографии. Тов. Ладо очень просто вышел из этого затруднения. Он составил на свое имя удостоверение от имени Елисаветпольского губернатора на право открытия типографии, переписал это удостоверение на полученном заранее бланке с губернаторским титулом и затем сам подписал этот документ за губернатора. Когда мы начали сомневаться в возможности что-либо сделать по этому бесспорно подложному документу, он и тут вышел из затруднения и через несколько дней, торжествуя, показывал нам бумагу с печатями и заверениями нотариуса. Он попросту снял копию с подложного удостоверения и, засвидетельствовавши эту копию у бакинского нотариуса, получил, таким образом, документ, на котором не было уже ни одной подложной подписи. С этим документом Ладо благополучно приобрел необходимые машину и материалы, и подпольная техника РСДРП начала работу в Баку и не прекращала ее вплоть до 1905 года, когда наша бакинская типография по случаю революции перешла на легальное положение и довольно торжественно вместе со значительной частью самих работников была водворена в Питере в большой коммерческой типографии товарищества «Дело», которое было основано для печатания «Новой Жизни» и других большевистских изданий.

Следующим руководителем бакинской техники был Трифон Теймуразович Енукидзе (кличка «Семен»), ныне руководитель нашей государственной фабрики денежных знаков. «Семен» Енукидзе значительно расширил наследство, оставленное ему т. Ладо. Вся работа была построена по принципу строжайшей конспирации с применением своеобразных технических методов, едва ли более где-либо и кем-либо применявшихся. Для привоза бумаги и выноса готовых изделий тов. «Семен» весьма искусно использовал некоторую замкнутость, в которой жило татарское население Баку, не особенно дружелюбно относившееся к полиции, поместив типографию в татарском квартале. Типография, хотя и расширенная, но оборудованная все еще подержанными машинами, не удовлетворяла тов. Семена. Он выдвинул план приобретения новой быстроходной печатной машины Аугсбургского завода и со свойственным ему упорством не отставал от меня и Н.П. Козеренко, старого социал-демократа, входившего тогда в нашу бакинскую организацию, до тех пор, пока мы не сколотили нужную сумму, что-то около двух или трех тысяч рублей, и не выписали из-за границы эту машину. Для установки ее было решено найти новое помещение и обставить все дело так, чтобы уже ни при каких условиях не опасаться провала. Помещение, где была установлена и работала эта машина, было отделено от дома, в котором жили наборщики и печатники, особым подземным ходом, закрывавшимся массивной бетонной, опускавшейся в подполье, дверью-западней, которую никоим образом нельзя было найти, не зная секрета. Само печатное помещение освещалось спирто-

калильной лампой и со всех сторон было закрыто, помещаясь внутри довольно обширной постройки, заключавшей в себе на соседнем владении экипажные сараи, конюшни и амбары для овса, ячменя и фуража. Только произведя самый точный наружный обмер стоявшего на чужом владении соседнего здания и измерив все внутренние камеры и помещения, можно было бы, нанеся все это на план, увидеть, что в средине остается какое-то пустое место, к которому нет доступа из других частей помещения. В этом месте-то и помещалось печатное отделение нашей типографии, связанное потайным ходом с другим домом на соседнем участке, в котором жили А.С. Енукидзе и другие товарищи. Интеллигентность бакинской полиции и жандармов была, разумеется, недостаточна, чтобы открыть такую типографию, и даже в случае провала всего персонала, во главе с А.С. Енукидзе, типография сама по себе не погибала, и для ее восстановления нужно было бы только вновь арендовать тот дом, в котором жил А.С. Енукидзе и из которого потайной ход вел внутрь здания конюшен и амбаров. Это же последнее здание принадлежало татарину-извозчику, приятелю Семена, который ни в коем случае не выдал бы типографии. Проживающие в доме печатники и наборщики подвергались строжайшей дисциплине и не имели права вообще выходить из дома. Через определенный срок каждый из них получал отпуск, но его не разрешалось проводить в Баку. Получивший отпуск товарищ обязан был к вечернему поезду прийти на вокзал и уехать в Тифлис, Кутаис или Батум, где и проводил отпуск. Внутрь типографии, кроме Семена и меня, изредка посещавшего ее больше для целей технической консультации или экспертизы, никто абсолютно не допускался, и провал был абсолютно исключен. Входная дверь дома была всегда на запоре и открывалась не прежде, нежели все и рабочие были на местах и дверь потайного хода приведена в такое положение, при котором, не зная секрета, ее нельзя было найти.

В 1904 году, после моего переезда в Орехово-Зуево, т. Семен, сдав ведение дела в Баку на руки А.С. Енукидзе, переехал в Москву, и мы занялись устройством аналогичной типографии где-то на Лесной улице, причем легальным прикрытием должна была служить торговля кавказским сыром, орехами, вином и т. п., а в качестве рабочих предполагалось пригласить тех же испытанных наших товарищей из Баку. Надо сказать, что работа в душной и тесной печатной, особенно летом, представляла собой настоящий ад, и наши наборщики и печатники несли поистине героическую работу.

Организация московской типографии была несколько задержана провалом Центрального Комитета, арестованного на квартире писателя Леонида Андреева. Мне случайно удалось избегнуть ареста, но я должен был временно перейти на нелегальное положение и уехать в Смоленск, затем в Одессу, затем в Петербург, а тем временем подоспел уже третий съезд, и я в апреле 1905 года уехал в Женеву. Семен остался в Москве и, несмотря на все трудности, довел до конца это довольно сложное и требовавшее значительных средств предприятие. Затем разразились события 1905 года, и временные свободы позволили нам, увы, преждевременно, перейти на легальное положение и даже сделать ошибку вывоза в Петербург нашей небольшой, но великолепной бакинской машины.

Тов. Семен переехал в Питер и был техническим руководителем довольно большой легальной типографии товарищества «Дело», в которой печаталась «Новая Жизнь» и другие издания. Кавказские товарищи, привезшие в Питер бакинскую машину, передали мне также прекрасно переплетенный альбом всех изданий бакинской типографии, начиная с первых прокламаций, печатавшихся товарищем Ладо, и кончая номерами «Искры», изданными в Баку. К сожалению, при одном из обысков этот альбом был у меня отобран и, очевидно, где-то погиб в архивах охранки.

Упомяну еще вкратце о печатании в Баку «Искры».

Связью между нами и «Искрой» являлся тов. Гальперин, партийная кличка «Коняга». Вся же наша бакинская организация в Женеве у Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской была зарегистрирована под именем «лошадей».

Мне только что сообщили, что наша подпольная типография на Лесной улице реставрируется в том виде, какой она имела в 1905 году, позволяющей полностью печатать номера «Искры», решено было организовать посылку в Баку матриц, т. е. картонных оттисков с набора, которые по заливании их типографским металлом могли дать клише целой страницы, годной для печатания. Мы условились с Конягой, что эти клише будут приходить в Баку на мое имя внутри обложки каких-либо технических или научных атласов с чертежами или рисунками соответственного содержания, дабы не вызвать подозрения на таможне. В одно прекрасное утро я, бывший тогда строителем электрической станции в Баку на Баиловом мысу, получил повестку от таможни о прибытии на мое имя заграничной посылки. Отправляюсь в таможню, и, о ужас, – мне передают грубейшим образом переплетенный атлас с обложками, толщиной в добрый палец, заполненный внутри какими-то лубочными изображениями тигров, змей и всякого рода зверей, не имеющих ни малейшего отношения к какой-либо технике или науке.

Без сомнения, господь бог протежировал нам в этом техническом предприятии, а сонные бакинские таможенные чиновники были его союзниками в этом деле. В женевских архивах, вероятно, можно будет найти наши ругательные письма заграничному центру по поводу такой халатности, которая могла окончиться большим провалом. К счастью, этого не случилось, и принятыми затем мерами удалось поставить пересылку матриц и даже тонкой бумаги для «Искры», которой нельзя было достать в России.

О постановке транспорта литературы и перевозке за границу и обратно людей подробнее меня расскажут другие товарищи, я могу только отметить, что и эта техника стояла достаточно высоко, и наша партия вырабатывала действительных специалистов своего ремесла, сводя тем до минимума провалы, т. е. потерю людей и литературы.

Я должен упомянуть еще о специальной технической группе при Центральном Комитете нашей партии 1905 года. Эта группа имела уже более боевые задачи по организации вооружения кадров нашей, главным образом, Петербургской организации. Особенно больших практических результатов трудно было достигнуть и, в частности, гапоновское предприятие – попытка доставить в Россию значительный транспорт ружей на пароходе «Джон Графтон» потерпела крушение. Впрочем, наша техническая группа была привлечена к этому делу лишь в его конечной стадии, когда исправить сделанных грубых ошибок уже не было никакой возможности. По требованию местных организаций и рабочих районов в Петрограде, этой группе приходилось заботиться о снабжении этих организаций необходимым боевым материалом. Привлечены были к деду выдающиеся техники, и конструкция одного из запалов нашей группы была впоследствии признана чрезвычайно удачной, если не лучше, экспертизой Главного Артиллерийского Управления.

Наша партия славилась всегда строгой идейной выдержанностью своей политической линии, и это было, конечно, главным основанием ее успехов, молвою о которых сейчас полон мир.

Но, подводя итоги партийной работы к ее 25-летнему юбилею, мы должны добром помянуть и большевистскую партийную технику, которая особенно в годы подпольного существования помогала нашему великому и любимому Ильичу выковывать крепкое как сталь боевое оружие рабочего класса – Российскую Коммунистическую Партию (большевиков).

Транспортно-технические бюро ЦК (большевиков)
Соколов, В.Н

1. Северное бюро (Смоленск)

1

Второй съезд партии, отразивший уже достаточно широкое революционное движение рабочих и крестьянских масс (златоустовский расстрел, полтавские беспорядки, бакинская забастовка и многие другие проявления его), вместе с тем явился и исходным моментом объединения и организации этого движения в общероссийском масштабе.

До этого съезда каждый город, каждый рабочий пункт жили почти изолированно друг от друга. Даже наиболее промышленные рабочие центры. Каждый из них инстинктивно, по своей собственной инициативе, искал и налаживал связь с соседями: Киев с Одессой и Вильно, Москва с Ив. – Вознесенском, Сев. Раб. Союз с Питером и Поволжьем. Такая изолированность, в связи с частыми провалами, обрывала связи в самом начале. Организации того или иного пункта исчезали в тюрьмах, и месяцами это исчезновение оказывалось неизвестным и не учтенным даже ближайшими их соседями, с ними организационно связанными. Это вело, с одной стороны, к расширению провалов, а с другой – к слабой возможности восстановления организаций путем подкрепления их силами со стороны.

Препятствовало это и идейному объединению рабочего движения. Во многих случаях рабочие кружки группировались около остатков народовольчества. Свое инстинктивное стремление к организации на классовых основах они должны были закреплять и воспитывать на легальной и нелегальной литературе, часто ничего общего с марксизмом не имеющей. Марксистская литература даже в чисто марксистские кружки попадала случайно, благодаря тем или иным, тоже нередко случайным, личным связям. Попадала в единичных экземплярах. И приходилось затрачивать много времени и сил на размножение такой литературы.

Я помню рабочие кружки 1896–1897 гг. в Костроме, в которых участвовал и работал. В них было больше настроения и инстинкта, чем действительной классовой пропаганды и просвещения. Читали Гл. Успенского, разрозненные статьи «Дела» и «Отеч. Зап.», статьи В.В., переписанные брошюры Бюхнера («Сила и Материя») и Степняка. И с кружками одновременно соприкасались такие, напр., неоднородные элементы, как К.Н. Иванов (студ. – технол., яркий народник, впоследствии с.-р.) и В.В. Буянов, ссыльный путиловский рабочий, или мой приятель детства Н.Г. Полетаев (чл. 3 Гос. Думы), определенно подходивший к марксизму. А когда в 1897 г. вспыхнула в Костроме, а затем отозвалась и в Кинешемском районе, большая забастовка, проведенная замечательно организованно и без малейших эксцессов, несмотря на провокационные подстрекательства к ним, то в числе ее активных руководителей можно было отметить и такие остатки сабунаевской организации, как Н.П. Стайновский, и таких «марксистов», как П.С. Широкий, впоследствии лидер с.-р. фракции II Думы.

И только после этой забастовки начинают выявляться в рабочих кружках уже более определенные марксистские настроения; и на нашем гектографе появляется «Эрфуртская программа».

Вот эта-то недифференцированность начального роста рабочего движения и была совершенно правильно учтена вторым съездом. И совершенно правильно также намечен был в противовес ей первый пункт выработанного съездом партийного устава. Дело здесь, пожалуй, не

столько в тех или иных «помогающих» профессорах, о праве которых на звание члена партии так беспокоилось меньшевистское крыло съезда, сколько в назревшей уже необходимости и «своевременности дифференциации самих рабочих организаций, в ясности их классового самосознания и отчетливости методов организации и работы, правильно намеченных большевистским крылом.

Это один из самых основных результатов съезда, давший единую организационную базу местным ячейкам рабочего движения.

И другой, не менее важный результат, это – постановка партийного технического аппарата и централизация снабжения литературой. С первого взгляда, пожалуй, представляется, что техника – дело довольно второстепенное, и что, каковы бы ни были по этому вопросу решения съезда, придавать ему значение, равное значению основных принципиальных вопросов, едва ли приходится. Однако это не совсем так. В той конкретной обстановке в которой развивалось тогда рабочее движение, – на огромной российской территории, при полном отсутствии даже намеков на легальные возможности, в условиях чрезвычайной хозяйственной разнохарактерности отдельных районов – известная техническая увязка разрозненных организаций и кружков, по логике вещей, должна была стать одновременно и увязкой идейно организационной. До этого момента снабжение литературой, за исключением, может быть, наиболее крупных пунктов (Питер, Москва, Киев и т. п.), было случайным и персональным. Это вынуждало большинство провинциальных организаций к пережевыванию отголосков чуждой идеологии и приспособлению к ней, или к собственному, не всегда удачному творчеству, к организации собственных технических примитивов. И это не могло не отзываться как на темпе, так и на характере самого движения. Кустарничество было естественным и неизбежным выводом отсюда. Поэтому централизованное (по нынешнему «плановое») снабжение литературой пропагандистской и агитационной, массовое снабжение, должно было стать первейшей задачей избранного вторым съездом ЦК.

Выполнение такой задачи обещало, прежде всего, чисто «технические» выгоды, т. е. сосредоточение сил и средств на одной определенной задаче и, вместе с тем, освобождение местных работников от массы мелочных технических забот. Слишком хорошо всем известно, как много времени, средств и часто высококвалифицированных сил тратилось на устройство самого примитивного гектографа, добывание бумаги, чернил, печатание. Самая маленькая листовка отнимала иной раз месяцы, которые тем самым пропадали для более продуктивной работы. Централизованное снабжение должно было этому положить конец. Затем оно до основания изменяло бы и всю работу местных организаций, независимо от их собственных «местных» желаний и настроений, оно создавало бы и единство идеологическое. Сама собою, при создании лишь общей техники снабжения, происходила бы спайка разрозненных ячеек в единый партийный организм. И практическое собирание и строительство партии должно было развертываться на этой основе уже действительно в общероссийском масштабе.

На Кавказе ставилась тогда большая типография ЦК, просуществовавшая затем до самой революции 1905 года и давшая за это время многие десятки пудов чрезвычайно ценных и великолепно выполненных изданий. О работе ее придется говорить дальше. Ставилась типография в Одессе. На границе (германской) заняты были оборудованием транспорта Феликс, Пятница и Сюртук (Копф). К этому времени к ним присоединился Довар (Щеколдин). На австрийской границе работали Мальцман и Кудрин (по паспорту).

Таковы были, поскольку припоминаю из разговоров с членом ЦК В.А. Носковым («Глебов», «Борис Николаевич»), предпосылки общероссийского плана организации сети так называемых транспортно-технических бюро. На Носкова именно возложена была задача проведения этого плана. Эти бюро должны были организоваться как автономные от местных рабочих организаций ячейки. Этим преследовалась, во-первых, выгода разделения труда, а во-вторых, что самое главное, проводился принцип «взаимного страхования» от провалов: тесное органи-

зационное сожительство бюро с местной рабочей организацией неизбежно вело бы к общему использованию квартир-явок, адресов и т. д. И тем самым провал одного дела вел бы за собою провал и другого.

Предполагалось в первую очередь создание трех таких бюро: в центральной России, на Юге и в Поволжье. При этом пунктами их развертывания наиболее удобными считались города, с одной стороны, достаточно крупные и достаточно оживленные, что обеспечивало бы наличность интеллигентских и буржуазных связей для конспиративной работы; но, с другой стороны, те же самые города не должны были являться и особенно промышленными, ибо тогда конспиративные функции технического бюро неизбежно перекрещивались бы с функциями нелегальных рабочих организаций; шансы провала и той и другой организации повысились бы вдвое.

Намечены были Смоленск, Полтава и Самара или Пенза.

Мне предложено было оборудовать Смоленск, куда я и выехал из Пскова в сентябре 1903 года. В район действия Смоленского бюро входили: Ярославль, Кострома, Ив. – Вознесенск, Тула, Орел, Курск, Брянск, Витебск. Москва обслуживала себя сама. Но в дальнейшем приходилось ей кое-что выделять и с нашего пункта.

2

Смоленск – город оврагов, тупиков, застенных и заречных окраин, «Одигитрия» и «Булони», достаточно оживленный, даже со своей местной газетой. Он вполне отвечал нашей цели. Дальнейшее с ним ознакомление подтверждало предварительные расчеты. Если требовалось проверить свой собственный «хвост», стоило лишь пройти через так называемую «Булонь», и дальше к Богоявленскому пролому, или через Сенную площадь: никакой шпик на этих слишком открытых путях не затаится. Если нужно спутать предполагаемую или возможную слежку, смело спускайся в овраг к «Одигитрию», или юркни через Солдатский пролом в маленькие темные переулки этой части города, и всякие следы будут спутаны; их трудно будет распутать даже и «верхним чутьем». Отсутствие крупных промышленных предприятий оставляло неиспользованным в подсобных конспиративных целях достаточно широкий круг интеллигенции и буржуазии. Близость к черте оседлости создавала в известных кругах городского обывателя определенную атмосферу гражданской полулегальной оппозиционности, чем могла в некоторой степени обеспечиваться большая прочность действительно конспиративного предприятия.

Основные рекомендации мне даны были к двум лицам: к учителю духовной семинарии Лебедеву и к статистику Семенову. И тот и другой были партийными с.-д. Первый не вел, кажется, никакой определенной партийной работы, ибо в Смоленске ее вообще приходилось выдумывать. Второй, по-видимому, имел связи с рабочими и усиленно по этому случаю конспирировал. Уезжая вскоре после этого за границу, он завещал свои полумифические связи с ремесленниками наскоро сколоченному комитету из Брилинга, меня и еще кого-то. Но этот комитет, кажется, так и остался мертворожденным. По крайней мере, ни одного его проявления я сейчас не могу припомнить.

Лебедев должен был помочь мне ориентироваться в обстановке и в связях. Семенов мог оказать содействие моей собственной легализации в земском статистическом бюро: последнее было необходимо для заработка, чтобы не обременять партийную кассу.

Однако с так называемой «солидной» интеллигенцией, имеющей уже определенное общественное положение, дело оказалось не так просто, как это было раньше: она имела своего выразителя в Штутгарте («Освобождение») и если еще продолжала якшаться с нелегальными партиями, то по инерции, в силу своей неспособности порвать с ними прямо и резко. А может быть, и потому еще, что ее-то собственные «классовые» цели не имели пока каких-

либо реальных обоснований. Но уже скептицизм к революционному методу действий был ею усвоен, и особого желания помогать этим действиям у нее не обнаруживалось.

В интересах расширения связей на первых порах пришлось обратиться к рекомендации одного либерального присяжного поверенного (впоследствии член I Думы, кадет). Он был председателем правления заречной библиотеки, и через него нужно было ввести туда своего человека.

Принял он чрезвычайно любезно. Разговор вертелся в плоскости местной жизни и ее проявлений. Замечательно остроумные и образные характеристики давал он местному обществу и администрации. Наметил совершенно правильную местную ориентировку по отношению к жандармским сферам. Но в содействии, которое от него рассчитывали получить, отказал.

– Каждый культурный очаг имеет свое назначение и свою абсолютную ценность. Подводить его под какой бы то ни было риск было бы нецелесообразно.

– Согласен. Но в том, что мы предлагаем, нет ни малейшего намека на риск, а тем более на «подвод».

– У Громыки (жандармский генерал) на этот счет своя логика.

Дальше разговор пошел совсем «принципиальный»: о «единстве ближайшей цели». Эту тему освобожденцы начинали теперь поднимать по всякому поводу.

– Основной враг наш с вами один – самодержавие. До взятия этой главной цитадели нам незачем поедать друг друга.

– Но вы только что своим отказом подпустить нас к библиотеке сделали подход к этому.

– Библиотека – маленькое практическое дело, и не им будут измеряться исторические ошибки…

– Однако?..

– С вашим доктринерством, с вашей нетерпимостью вы идете в стороне от жизни. Масса жертв – и микроскопические результаты. Правда теоретическая в ущерб правде практической.

– До сего времени вы были практичнее нас – это верно. Вопрос только в том, не укрепляется ли ваша практика нашими жертвами.

Разошлись без особого желания вторичной встречи.

С интеллигенцией еще не «солидной», не износившей еще студенческих тужурок, обнаружилась невязка иного характера. Эта категория была, конечно, не прочь «принять участие». Но она выражала желание, чтобы, во-первых, ей «дали» непременно «серьезное» дело, а во-вторых, требовала большей «самостоятельности» как гарантии от риска. Такой именно смысл носила моя беседа с одним начинающим врачом. Революционность его в академии не подвергалась сомнениям, и рекомендовал его нам его же приятель, тоже врач, находившийся в это время в ссылке.

– Серьезные дела не дают, а берут. Степень же риска обратно пропорциональна так называемой «осторожности» работника.

Эта была грубость с моей стороны. И, может быть, не вполне справедливая. Но очень уж ясно из-за этой претензии на большие дела выглядывало желание сохранить и упрочить начавший складываться около таких деятелей мещанский уют, подкрашенный воспоминаниями студенческой «революционности».

Обстановка для работы оказалась все-таки на редкость благоприятною. Интеллигенции, так или иначе прикосновенной к работе в других местах и искренно желавшей работать и здесь, но не находившей приложения, было более чем достаточно. Не прошло и месяца, как мы уже подобрались в определенную, довольно спевшуюся группу: кроме Лебедева и меня, в нее вошли Е.А. Калита, К.В. Катцева, Штернберг («Марфа») и ряд других более или менее активных. Найдены были квартиры – разгрузочные и складочные. Адреса для писем, накладных, телеграмм, явки добыты были без большого труда и по всем правилам конспирации: на солидные буржуазные фамилии, в магазинах, в приемных врачей. Все это теперь вещи не только

слишком известные, но и устаревшие, примитивные. От них веет большой наивностью. Пережитые нами с того времени три революции и перипетии видоизменяющейся борьбы заставляли непрерывно менять приемы и методы работы по конспирации. Обстановка усложнялась, в особенности после 1905 года. Буржуазия и интеллигенция расслаивалась и отходила. Рабочее движение получало некоторые легальные зацепки, а вместе с тем и его нелегальная часть могла до известной степени расширить и видоизменить базу организации своих предприятий. Но в то время все это было проще, примитивнее. Еще живы были конспиративные традиции народовольческой эпохи и к ним привносились лишь детали, наиболее отвечающие современной обстановке и практике.

Романтизм всегда свойственен человеческой природе! Конспирация давала ему некоторую пищу. И, может быть, ряд наших «адресов», «явок», «квартир» оказался в нашем распоряжении не без этой «чисто человеческой» предпосылки. Они предоставлялись нам заметно охотнее, если цель их была окружена некоторой таинственностью. Некоторое усложнение пароля повышало доверие и готовность.

Случилось так, что в самом начале работы устроено было широкое собрание интеллигенции: один из смоленских адвокатов только что вернулся из Кишинева, где выступал защитником по делу типографии «Искры» (Гольдмана). Это было первое дело, пущенное в порядке нового тогда уголовного уложения 1902 года; и доклад об этом процессе явился целью широкого собрания. Нашу группу привлек не столько доклад, сколько возможность расширения связей для дела. И действительно, в этом смысле собрание дало великолепные результаты. На этом собрании, между прочим, мы впервые познакомились с доктором А.П. Голубковым (теперь член коллегии Наркомздрава), который настолько «тосковал» по активной работе, что сразу же вошел в число наиболее активных членов нашей группы. А когда через 3–4 месяца мне пришлось из Смоленска перебираться в другое место, А.П. остался во главе предприятия.

3

Поселился я сначала в комнате. Почти изолированная от хозяев, прямо из передней, она представлялась достаточно удобной. Подходящей казалась и местность: за городской стеной, по улице, застроенной деревянными, как бы помещичьими среднего типа домами-усадьбами. Каждый из них выглядит хозяйственно и в меру солидно. Каждый окружен собственными службами и пристройками, из-за которых поднимаются большие деревья собственного сада. Простое мещанство на таких улицах не живет, ибо они для него недостаточно мелко и тесно застроены. Ремесленники тоже их избегают: недостаток заказчиков и движения нагоняет тоску. Средний чиновник и солидный интеллигент – врач, адвокат, земец по выборам – являются типичными обитателями таких улиц. Движения по ним не так много, но извозчики их хорошо знают. Люди здесь живут прочно, оседло, но командировки и приезды с вещами не так редки. На сплетни и пересуды здесь люди менее склонны, и известная степень такта не позволяет им любопытства и вмешательства в чужие дела. Земский статистик, к которому 2–3 раза в месяц приезжает «брат» или «приятель-студент», с вещами, на несколько дней, здесь мог бы и не возбудить подозрений у соседей. А хозяева, по свойственному их классу либерализму, могли бы попросту закрывать глаза на некоторую таинственность таких приездов и выездов.

Но и в этих условиях обнаружились свои неудобства. Запирать, уходя, комнату – значило проявлять недоверие к хозяевам. А оставлять ее незакрытою – значит искушать любопытство прислуги.

Однажды привезли ящик со шрифтом. Как это у нас часто бывало, шрифт был уложен вплотную, без всякой прокладки. Ящик небольшой, из тонких досок, тяжесть не соответствовала виду. Так что извозчик его вносил кряхтя, и его приходилось предупреждать, чтобы обращался с ящиком осторожнее. Случившаяся в передней хозяйка с недоумением и явно подо-

зрительно оглядела и груз, и извозчика. А на другой день, возвратившись со службы, я нашел на своем столе две буквы и шпацию: очевидно, она их во время уборки нашла в передней и давала понять всю «бестактность» моего поведения.

Доноса, по-видимому, бояться не приходилось. Но шрифт, очевидно, нужно было спасать немедленно. Вытаскивать ящик, явно уже худой, значило рисковать оставить за собою след из шрифта, да и не по силам было нести его в таком виде; звать же извозчика – значило обращать на себя уже настороженное внимание.

Пришлось нагружаться самому. И притом так, чтобы незаметно унести на себе действительно непосильную тяжесть. Задача была не из легких – разместить вокруг себя содержимое ящика с тем, чтобы не перетягивало ни на одну сторону и чтобы сверху можно было надеть пальто. Пришлось употребить в дело старые брюки, завязав крепко их концы так, чтобы получился двойной мешок. В каждую половину вошло фунтов по тридцать. А затем они были перекинуты через шею и повисли по бокам туловища. В каждый из карманов пальто и пиджака вошло еще по несколько фунтов. В обеих руках получилось по 10-фунтовой связке в форме навернутых в бумагу книг. Когда все эти доспехи были возложены на меня, то пальто застегивалось с большим усилием, и только на одну пуговицу; с трудом можно было переводить дух, а ноги сгибались сами собою.

Тем не менее нужно было идти, другого выхода не было. Осенняя черная ночь матерински любовно прикрывала трагедию еле подвигавшего ноги конспиратора, который дышал, как ломовая лошадь, покачиваясь под тяжестью, как хмельной, и балансируя увесистыми свертками в руках. Дорога была пустынная, без единого фонаря, и проходила через огромную Базарную площадь, сплошь покрытую подмерзшими кочками осенней грязи. Через каждые 40–50 шагов приходилось садиться прямо на землю, чтобы импровизированные мешки дали некоторый отдых шее. Но с каждого последующего привала подниматься приходилось все с большим и большим трудом.

Один мой знакомый, учитель математики придумал для выпускного экзамена своим ученикам такую каверзную задачу:

«Одновременно из разных мест по направлению к Мекке двигались два пилигрима; чтобы авансом расположить к себе Магомета, один шел на четвереньках, другой вперед пятками…» Дальше приводились точные размеры расстояния между правой ладонью и левой ступней первого и длины внутреннего и внешнего шага второго. Стремление, по этой задаче, приблизить момент поклонения священной гробнице присуще было каждому из паломников в одинаковой степени, но оно приводило первого к тому, что через известные промежутки времени он «рыл землю носом», а второй отклонялся от прямой линии пути под углом в столько-то градусов… Но математическая сторона этой задачи меня в этот момент не занимала. Не так важно было, в какой срок эти чудаки совершат свое паломничество. Но я физически понял всю «тяжесть» их трагикомического подвига и пытался, пригибаемый свинцом к земле, определить, который из них охотнее согласился бы доставить в Мекку мои доспехи.

Несколько раз являлось искушение оставить часть груза тут же в сторонке на улице, чтобы вернуться за ним потом. Но боязнь «потом» его не найти от этого удерживала.

Когда этот крестный путь был окончен у квартиры Калиты и рука прикоснулась к двери, чтобы постучать, все напряжение моментально исчезло. Ни стоять, ни войти в комнату уже не мог. Пришлось разгружаться в сенях, чтобы потом, уже совершенно освобожденному, едва добрести до ближайшего стула.

При разборе шрифта обнаружился набранный заголовок-клише: «Южный Рабочий».

В этот раз я видел его впервые.

4

Комнату пришлось оставить и нанять отдельную квартиру в совершенно противоположной части города. Низ занимал захудалый армейский офицер с семьей и кучей непристроенных полуграмотных свояченицы. Мезонин в 3 небольших комнаты, с отдельным крыльцом и чуланом под лестницей, оставался на мою долю. Необходимая обстановка для всей новой квартиры стоила два десятка рублей. С офицером быстро познакомились, и он разрешил своему денщику убирать мою квартиру и подавать самовары. Беспорядок, безалаберность и невежество нижнего этажа давали известное право и мезонину иметь свои некоторые странности, вроде житья одному не в комнате, а в «квартире», или других, несколько необычных условий жизни. Но, в конце концов, и очень быстро, эти маленькие странности перестали замечаться, если только замечались и раньше. Два-три «душевных» разговора за чаем с угнетенным семьей воином, два-три грошевых денежных займа его жене на базарные расходы, коробка конфет свояченице – и в мезонин совершенно без всяких сомнений и опасений можно было хоть ежедневно привозить «на комиссию» целые воза «книг», а затем отправлять их «заказчикам». Эта басня о приватном сверх службы «комиссионерстве» не вызывала сомнений. Тем более что, когда скоплялось в чулане под лестницей 3–4 пустых багажных корзины, одну из них непременно выпрашивала для себя или для сестры офицерша.

Но и добрые отношения также имеют свою худую сторону.

Однажды привезен был транспорт, попавший в воду при переправе через границу. В пути до Смоленска литература в корзине смерзлась блинами. Нужно было оттаивать и сушить. Пришлось заболеть на трое суток и не выходить из квартиры. Чрезвычайно кропотливо и медленно, чтобы не порвать, отделялись совершенно мокрые тончайшие номера «Искры», расстилались по всему полу, развешивались по спинкам стульев. Пришлось в двух комнатах сверх того протянуть веревку и сушить, как белье. Подсохнет одна сторона, перевертываешь на другую.

И добрые соседи забеспокоились. Начались поминутные беганья.

– Не послать ли Степана за доктором?

– Благодарю вас, я не настолько болен. Пройдет.

– А вы принимаете что-нибудь? Есть ли у вас лекарство?

И бросает взгляд на затворенные комнаты.

– Может быть, у вас прибрать? Все вы, холостяки, ужасно любите в сору сидеть.

Усиленно уверяю, что я не люблю сору, а не прибрано только в этой комнате, потому что в ней стоит кровать, и перевожу разговор в другую плоскость.

Через полчаса является муж.

– Ну, разве можно хворать! Разве не русский вы человек?

– Самый русский.

– Именно. Есть у меня доброе самое русское лекарство… Как рукой снимет. Или, может быть, сюда принести?

Обещаю прийти к нему, если не пройдет к вечеру. Очевидно, он замечает в моем лице и в репликах нечто малогостеприимное.

– Ну ладно, коли так, пойду. Приходите.

На цыпочках спускаюсь после него с лестницы и запираю дверь. Через некоторое время стук. Игнорирую. Стучат сильнее.

Приходит в голову мысль: не явился ли кто из товарищей. Отворяю. Сестра офицерши.

– Сима прислала вам коржиков. И велела мне поставить вам самовар и напоить чаем.

– Милая барышня, за коржики спасибо, а чаю я не хочу.

– А пока закипит самовар, захотите.

И устремляется к комнате, где она знает, находится самовар.

– Лучше вот что, барышня, прогуляйте меня по улице.

– А вам можно?

– Ей-богу можно. Теплее оденусь.

– Ну, хорошо, иду собираться.

Уходя, запираю снаружи, и становится спокойнее. На улице сначала имитирую больного, потом это забывается. Припоминается оставленная сушильня и тот ее край, с которого уже теперь нужно бы перевертывать «Искру».

5

В декабре приехал в Смоленск «представитель ЦК». Так сообщил мне Брилинг, приглашая на заседание комитета. Комитет собрался у Брилинга, где остановился и «представитель», его личный знакомый. Кроме хозяина и меня, было еще двое комитетчиков, фамилии которых уже забылись. После этого я уже ни разу в комитет не ходил, чтобы не рисковать приводом хвоста. Но и об его деятельности тоже не слышал. Думаю теперь, как и тогда, что на роду было написано этому «комитету» так и остаться в кавычках: не было здесь для него никакой рабочей почвы.

«Представителем» оказался Дубровинский (Иннокентий). Он не был еще в ЦК и рекомендовался тогда «Леонидом», объезжавшим организации по поручению Зверя, для докладов о II съезде.

Естественно, что он остановился почти исключительно на пунктах разногласия между большевиками и меньшевиками. После доклада была зачитана вслух выпущенная на мимеографе листовка Троцкого, самое талантливое и яркое после съезда выявление меньшевистской позиции. Ее привез Иннокентий, и знакомились мы с ней по его инициативе. Эта честность мысли и добросовестность его подхода к инакомыслящим всегда его отличали. Он не замалчивал сильных мест противника, но тем с большей вдумчивостью и обстоятельностью подходил к их критике.

– Во всякой ереси скрывается зерно истины, и всякое даже и самое талантливое изложение уязвимо по существу.

Продолжительных споров по докладу и резолюции, нами составленной, не было. За исключением одного из участников, все были более или менее согласны. Тогда еще не было в ходу такого журнала, как «бланкизм»: появилась только «дирижерская палочка». И ее по временам склоняли, хотя и не во всех падежах.

– Движение только что принимает широкие массовые формы. Развертывается стихийно. В разных местах по-разному. Известия даже о самых ярких его проявлениях доходят месяцами. Поэтому дирижерство им из-за границы совершенно невозможно. Палочка повиснет в воздухе.

– Сейчас важно не дирижерство, а наличность одного центра внимания для всего движения. Важно, чтобы боевые части имели единый генеральный штаб, а не только генералов, которые лишь время от времени советуются друг с другом.

Не менее примитивными представляются теперь и наши тогдашние прения по первому пункту устава. Тогда еще только начинались возражения против него, которые скоро стали затасканными и совсем неубедительными. Дальше и глубже явочных «профессоров, докторов и адвокатов», которых желательно было поощрить членством, они не шли. И Иннокентий не пытался парировать эти возражения даже с этой стороны. Он подошел с другой стороны.

– Массовое движение инстинктивно ищет марксистских основ, чтобы стать классовым. Но в нем много старого, народнического бунтарства. Его нужно отсеять. А для этого требуется не решето, а сито. И именно потому, что движение становится по преимуществу массовым, членом партии может быть лишь активно работающий, а не только сочувствующий.

Резолюцию вынесли большевистскую. Но, как я узнал долго спустя, большинство выносивших эту резолюцию членов комитета оказались в лагере меньшевиков. А в годы столыпинской реакции уже позабыли и о всякой партийности.

Вообще нужно сказать, что в это время определенное разграничение так называемой «комитетской массы» по фракциям было весьма проблематичным, кроме отдельных, чисто рабочих районов. Резолюции выносились нередко без дискуссии с представителями рабочих. И нередко носили характер персонального доверия и «симпатии» к тому или иному лидеру движения. В тот момент дискуссирование этого вопроса только что начиналось и пока носило достаточно отвлеченный, кабинетный характер. Даже несколько месяцев спустя после этого, когда уже распространялась в России книга Владимира Ильича «Шаг вперед», в такой, напр., организации, как Саратовская, бок о бок работали настолько разные люди, как Иосиф Гольденберг и Майский.

Но нас, «техников», встречали на местах с одинаковым доброжелательством все, независимо от хода и направления дискуссий: литература нужна была одинаково всем, и она как в это время, так и значительно позже, не носила на себе определенной фракционной окраски; транспорт доходил из-за границы с большим опозданием, и плехановская «Искра», напр., в значительных количествах стала получаться уже только в конце 1904 и в начале 1905 г. А тогда она была уже «безопасна»: массовое движение и напряженность практической повседневной работы в значительной мере загородили «теорию», как склонны были называть это тогда наши практические работники.

И нужно сказать опять-таки определенно: никакого в сущности транспорта и снабжения специально меньшевистского никогда и не существовало. Были, вероятно, попытки создать тот или иной технический аппарат, поставить там или тут типографию. Но, поскольку мне это было известно, все это носило прежний кустарный характер. В 1905 году (в начале), когда сделана была попытка «объединения техники», на юге мне пришлось принимать от меньшевиков буквально пустое место. Так что, если даже и были чисто меньшевистские организации, они обслуживались нашими же аппаратами.

Только в одном месте – в Одессе – уже в 1905 году я увидел на приеме у одного из местных работников «Искру» в корзине для бумаг: она была скомкана, видимо, в раздражении и брошена туда, и даже не привлекала больше внимания хозяина, хотя конспиративные времена еще далеко не миновали. Здесь, очевидно, фракционное деление уже достаточно оформилось. Но об этом в своем месте.

6

Служба в статистике была только легальной формой существования. Заработок в $1\frac{1}{2}$ раза меньший, чем перед этим на предыдущей службе, и отсюда право отдавать службе настоящей лишь минимально необходимое время. Такой порядок взаимоотношений с учреждением-работодателем был договорен предварительно с руководителями Бюро. Они знали, какого характера работа будет выполняться за их спиной, и сознательно предоставили работнику право распоряжения рабочим днем. Удобнее было брать работу на дом, чтобы не смущать сослуживцев несвоевременными уходами и опаздываниями. И с этим молчаливо согласились. Заведующий бюро С.П. Середа в одном из разговоров пошел даже дальше.

– Если бы вам понадобилось перебраться в другое место, даже за границу, мы могли бы вам дать работу туда.

Дело налаживалось довольно быстро. Обрастало связями и «зацепками». Привлечен был к работе новый товарищ, Гейн, бывший студент и статистик. Он подошел к делу сразу. Работы прибавлялось. Не только присылали, но уже и привозили с оказиями. Произошла заминка в

организации Полтавского пункта, который должна была оборудовать Ирина. Первый блин там получился комом: адрес для накладных был дан магазинный, но вовремя, очевидно, в магазине не справились. Товар был получен приказчиками и вскрыт в магазине… Его удалось спасти, но с оборудованием пункта пришлось задержаться. И полтавская доля стала направляться также в Смоленск, так что транзит увеличился. Приезжали товарищи за паспортами и явками в соседние организации. Другие привозили чистые бланки. На явку, которая за все время моей работы в Смоленске была в квартире доктора Хайкина, совершенно своего человека, приходилось ходить почти ежедневно. Нужны были квартиры для ночевок, деньги, изготовление печатей. Раз колесо завертелось, все уже шло само собой. Одна функция вызывала другую. Однажды застал на явке товарища из Вильны. Сидит в ожидании меня и на колене гравирует печать мещанской управы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.